

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. События	
<i>рождение</i>	
Марина Кочан. За порогом	11
<i>взросление</i>	
Даша Благова. Убийство в Новосельске	17
<i>профессия</i>	
Ислам Ханипаев. Меня зовут Ахмад	31
<i>свадьба</i>	
Екатерина Манойло. Лапша	49
<i>застолье</i>	
Егана Джаббарова. Тутовник смотрит вниз	57
<i>проводы</i>	
Илья Мамаев-Найлз. После нас тишина	67
<i>смерть</i>	
Антон Секисов. Тартар	77

Часть вторая. Явления

сон

Ольга Птицева. Рогатый

93

ягн

Денис Осокин. Койыкъёс Лоси

107

зима

Дмитрий Захаров. Это за мной

127

лето

Ксения Буржская. Наташенька и огонь

135

ночь

Анна Шипилова. Йоль, Илья и Ариэль

141

день

Евгения Некрасова. Медведица и Последний день зверёв

155

Предисловие

Человеку нужно сначала родиться, а дальше с ним происходит череда важных *событий*, бесповоротно меняющих судьбу. Независимо от земли, где он появился на свет, и принятой там культуры, человек взрослеет через игру, учебу и общение, выбирает профессию, соблюдает традиции и ритуалы, ходит гостем или гостьей на свадьбы, прощается с близкими на похоронах, провожает друзей в далекие путешествия или на службу, принимает участие в радостных или печальных застольях сначала ребенком, потом подростком, а дальше взрослым. Человек узнает, что такое смерть и любовь, женится или выходит замуж. Когда в семье появляется на свет еще один человек, то он проходит тот же цикл. Наступает время, и человек умирает. И все повторяется вновь со следующими людьми. Аграрная экономика сменилась индустриальной, та перешла в цифровую, способы коммуникации и остальные технологии на наших глазах проделали немыслимый прыжок в будущее, но за сотни лет ничто не сумело полностью разломать череду инициаций, свадеб, похорон, праздников — между рождением и смертью.

Кажется, над этими основными событиями у человека есть власть, он может постараться избежать почти любого из них, кроме рождения и смерти. Но он не способен управлять *явлениями*

природы. Те происходят помимо его воли, нашей воли. Сменяются сезоны, за ночь наступает день, сон заканчивается, и с нами случается явь.

Движение через все эти архетипические этапы в архетипических состояниях природы рифмует человека с персонажем сказки, а значит, любой и любая из нас не просто живет жизнь, а проходит путь героя или путь героини.

Мы попросили тринадцать современных авторов придумать тринадцать историй, каждая из которых рассказывает о человеке внутри одного определенного события или явления. Все приглашенные писатели русскоязычные, некоторые билингвы. Одни, подтверждая универсальность этапов и состояний в разных регионах, рассказали нам о традициях своих или знакомых культур: Егана Джаббарова — об укладе одного азербайджанского дома, Ислам Ханипаев — о мужской социализации в дагестанской деревне, Денис Осокин упоминает удмуртский и даже китайский фольклор, а Екатерина Манойло пишет о свадьбе на пересечении двух культур: казахской и русской. Ольга Птицева, Ксения Буржская и я написали тексты по мотивам русской народной культуры. Другие авторы работают с постсоветской реальностью: Илья Мамаев-Найлз — с армейской рутиной, Даши Благова — с подростковым взрослением через игру *The Sims*, Анна Шипилова — с сообществом московских толкинистов начала нулевых, Дмитрий Захаров показывает шофера, отбившегося от жадной и ежегодной сибирской зимы, Антон Секисов проходится по российской деревенской хтони. Марина Кочан пишет об универсальной начальной точке путешествия любого героя и героини — рождении.

Вся непрерывная цикличность основных событий и явлений, отображенная в сборнике, помогает нам, как и персонажам этих рассказов, выдержать самые сложные времена и не впасть в отчаяние, создает скелет, на который мы наращиваем свои жизни.

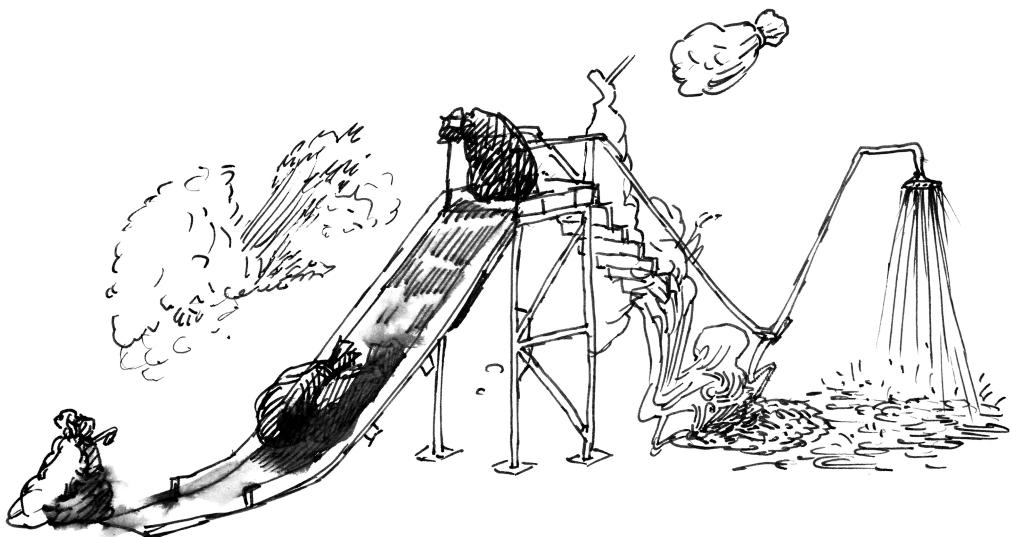
Эта антология — книга-объединение, книга-заземление, которая — как мы, подготовившая ее команда, надеемся — поможет читателям выдохнуть, почувствовать ступнями опору и идти дальше.

Евгения Некрасова, составительница сборника

Часть первая

События

Марина Кочан

За порогом

Человеку нужно сначала родиться. Человек рождается из воды, выныривает как рыба.

Мать в родах пугали и устрашали, холодной водой поливали да кричали, чтоб от крика и испуга быстрее вышел младенец на свет, волосы из кос расплетали, живот мяли-мяли, трясли, за ноги приподнимали ее, за руки подвешивали. Мать кричала-кричала, на колени вставала, пальцами кожу свою щипала до красных пятен, до белых пятен, в угол забивалась, дышала-дышала. В глазах темнело-чернело, как небо в окне.

Дочь была в темноте и родилась в нее, на севере темнота тоже скрывает жизнь. Дочь родилась не дочь, а богатырь, большая, и крепкая, и бесстрашная, вылезла, как из берлоги после крепкого сна, и заревела, но только однажды. Позже она берегла каждый звук. И мать сначала пугалась, потом удивлялась, но так бывает, что дети не плачут, — ты только смотрела внимательно и изучала меня, говорила она. Никакого звука громкого не боялась, испугу не поддавалась, сама не шумела и не кричала.

дочь была как
расстояние от локтя до кончиков пальцев

крупная дыня
укулеле
стебель подсолнуха
целый лосось

Руки ее сами складывались в кукиши — это она от сглаза, мать потом всем говорила. Она родилась из снега, из парного молока коров, которое мать носила домой в полторашках с работы. Матери молоко давали за вредность. Она родилась из мороза и хруста под пимами, из воздуха, холодящего ноздри, с пушком на спине, как зверек, с прозрачными ноготками, как птичка.

Хрупкое тельце дочери дали ей в руки, хрупкое, как крыло бабочки
ваза на столе
лед на весенней реке
фарфор
елочный шарик
сушеные водоросли
маленькие ракушки
хрупкое, как сама жизнь

Дочь была беззащитна, как жук, перевернутый на спину, мать пеленала, качала, одевала, раздевала, купала, носила, пеленала, качала, одевала, раздевала, купала, носила. Перед сном у них совпадало дыхание, голову дочь клала матери на грудь и засыпала, мать водила пальцем по носу, по бровям, по ладошкам и локтям. Кожа дочери как лепесток, как светлый песок, как внутренности ракушки. Новая кожа, изначальная, как все новое в человеке. Все это ты, говорила она, все это ты, говорила она, так похожа на меня, и все же не я.

Рождение человека — череда бодрствования и сна, плотная пелена, тишина и приглушенный свет, плотный кокон для двоих.

Ей нельзя было отвлекаться ни на секунду, ни на миг.

Она смотрела ночью, смотрела днем, как легонько вздымается одеяло, расширяются маленькие ноздри, дергается во сне пальчик.

Она верила в магию своего присутствия, своего взгляда, быть здесь.

Рождение — это взгляд другого.

Родственники приходили на *кашу*. Трогали ручки, трогали ножки, за щеки щипали, вверх подбрасывали-поднимали. На ушко шептали: *мамина дочка, мамина дочка*. Рюмки опрокидывали на счастье, дарили зверей-купалочек, книги-пищалочки, а бабушка дарила серебряную ложку *на первый зубок* да маленький гребешок. Расти, коса, до пояса, не вырони ни волоса. Расти, коса, не путайся — дочка маму слушайся.

Когда дочь улыбнулась, нашла свои руки, стала удерживать голову, встала на четвереньки, выучила звуки, взяла рукой ее палец, тело их все еще было едино, руки и ноги держали друг друга, как прежде нить-пуповина, та нить все еще между ними незримо.

Позже мать дала ей поверить в волшебную силу, теплой ладонью дочки лечила спину. Вот так положи ее под меня, говорила она, когда дочь стала старше. Видишь, мне легче, спина уже не болит. Под материнской спиной было тепло и сверху давила тяжесть, дочь любила вот так держать руку, это ее успокаивало. Как колыбельная:

Руй-руй, бай-бай,
Золотая моя гора,
Каменная моя стена.
Ноги твои — два быстрых оленя,
Руки твои — как ветви высоких деревьев,
Глаза твои зоркие, как змеи.
Будешь шить золотыми нитями,
Будешь пекать хлеб с золотою корочкой,
Будешь прыгать выше неба,
Видеть дальше горизонта,
Петь, как соловушка.

Красива, как голубушка.

Ты мое солнышко, как посредине неба самая яркая звездочка,
На руках моих лелеяна.
Ты, как быстрая река,
Как звонкая струна,
Самая большая радость.

Мать дивилась, что дочь ее говорит с домовыми, заигравшими кухонную вещицу. Так ей казалось, она верила в разные ее силы. Нож пропадал на кухне, и говорила:

За порогом

попроси у них, пусть вернут, — и все возвращали. Дочь говорила и во сне, на каком-то своем языке. Тарабарский язык, точно ты не отсюда, дана мне свыше, мать говорила. На севере проще поверить в космос, он слишком близко. Она верила, что космос замешан в рождении дочери, что там кто-то знает о ней и видит, она другая, моя инопланетянка, говорила она, я тебя уже и не ждала, это чудо, что ты появилась на свет. Это случайность, ты — настоящее чудо, стоило этого ждать.

Мать варила дочери травы, собирала душистые охапки, ходила поздним летом по полям. Кипрей, зверобой, крапива, ромашка. Темный болотный настой, чуть сладковатый. Если северный ветер дул чуть сильнее и дочь хворала, ложку трав вливала ей в рот, как птенчику, и приговаривала: вот ты и здорова.

Однажды дочь заболела сильно, всю ночь потела, и пот был соленым, как рыбий бок, мать холодным ее обтирала, на руках качала, молитвы шептала, но становилось хуже. И тогда вызывала бабку соседку, бабка водила всю ночь руками над головой у дочки, мать задремала, и утром случилось чудо.

Сколько дней нужно так продержаться, чтобы однажды перестать волноваться, что смерть ходит слишком близко к рождению, понять, что все хрупкое однажды окрепнет.

Страхи пришли к дочери позже. Когда она нашла мысли в голове. Много было у дочери страхов, ночью тени ходили рядом, ночью старые окна скрипели, когда за окном метель выла, черные голые ветки бросали тени на стены, стылый воздух в щели струился.

Дочь бежала по темному коридору, забивалась матери под бок, и мать учила: ты в яйце, ты в тугой скорлупе, и никто в нем тебя не тронет. Мать говорила: когда-то все было водой. И над водой летела птица, искала гнездо, искала, где приземлиться, снесла та птица яйцо, и однажды из верхней части яйца было создано небо, из нижней — земля, из желтка — солнце, из белка — луна, из скорлупы — звезды. И появились люди.

И дочь представляла себя в яйце, а мать включала

медитации на телефоне. Вот они лежат рядом, и голос в комнате говорит: ваше тело — неподвижная устойчивая гора, ваше тело спокойное, река, ноги просто оставьте. Они смеются на этом моменте, она и дочь. А потом в тишине дочь говорит: я боюсь — у меня внутри темнота, я бы хотела, чтобы внутри у меня был свет, без него страшно, я бы хотела видеть то, что внутри меня, чтоб живот был прозрачным, может, свет попадет, когда я открываю рот. В темноте всегда тоже есть свет, отвечала ей мать. Звенящая морозная темнота. Всегда чуть розовая от снега и льда.

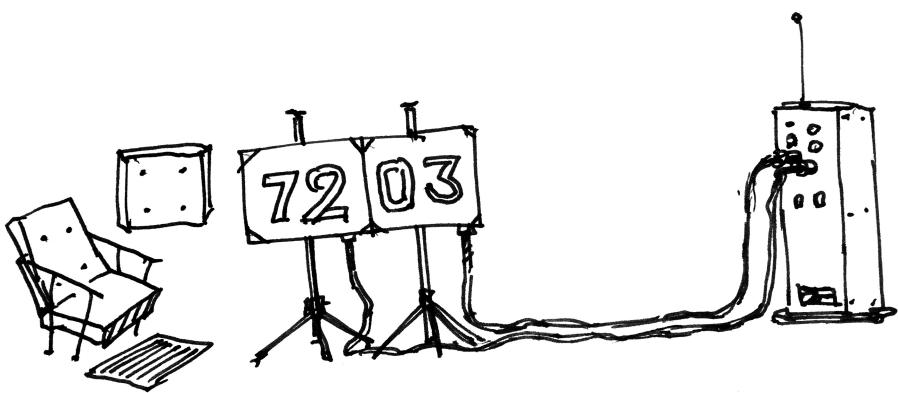
Все на севере живет недолго, здесь особенно ценно рождение, летом она любила каждое насекомое, сажала жужелиц себе на ладонь, смотрела, как пьет комар из ее пальца и как прозрачное пузо его наполняется алым. Ее удивляло маленькое, она была ближе к земле, к муравьям и траве. Она приседала на корточки, но все же держала мать за руку. Держи крепче, говорила она, еще крепче, еще, еще, моя рука выпадает. Меня нужно держать. И мать держала.

Одним летом пришел главный страх — ей было четыре — страх чужой смерти. Ты будешь всегда? — спросила тогда дочь у матери, и мать долго молчала. Я буду долго, сказала она. Но долго — это не навсегда. И я буду одна? Ты не будешь, ведь смысл в этом — в том, что есть вокруг нас, она посмотрела куда-то мимо. А смерть я видела однажды, она не страшная.

Когда ты родился, то тебя нет отдельно от материнского тела. Потом, словно лист, сорвавшийся с дерева, несешься быстрее прочь. Привыкнуть к свету даже сложнее, чем к тьме, дочь очень быстро привыкла к северной зиме. И шагнула она за порог, удлинилась нить.

Ничто не рождается в одиночестве, но все рождается в нем — так говорила мать. Рождаешься из тепла в холод и учишься сам себя согревать. Рождаешься и однажды обуваешь пимы, накидываешь шубу-шапку-шарф и ступаешь впервые один за порог. Во тьму. Рушишь яичную скорлупу. Чертишь вокруг себя новый круг. Идешь по хрустящему снегу, по стылой земле, и каждый шаг отзыается эхом. Теперь это ты и это твое. И больше тебе не страшно.

Даша Благова

Убийство в Новосельске

В тесной южной панельке черный монитор выглядел чужеродно — как космический корабль, севший посреди глухой деревни. Безупречный глянцевый прямоугольник закрывал пятно плесени. Его острое ребро смотрело в фанерную изнанку шкафа, который делил убогую комнату пополам. Из сидушки шаткого стула торчали нитки и что-то ватное. Системный блок пританцовывал на бугристом ламинате, моргая лампочками, пока его внутренности раскручивались и пыхтели, чтобы запустить *The Sims 2* для Кристины.

Кристина нажимала на иконку Новосельска и смотрела на моргающие синие квадратики. Зрение Кристины слегка упало из-за мышечного напряжения, и офтальмолог советовал ей направлять глаза к горизонту хотя бы один раз в час, пока она учится или играет. Кристина никогда не отворачивалась от монитора и редко моргала. В наушниках прыгала веселая музыка. Кристина ждала, когда из пикселей сложится ее родной Новосельск.

Больше всего Кристина любила режим строительства и часто выбирала трехэтажный светлый дом с деревянным паркетом по улице Мастера. Она соединяла арками три помещения на втором этаже и начинала ремонт. Для своих комнат Кристина оставляла тот же паркет, а для стен выбирала штукатурку «Роза в пыли» или «Густой

цвет» — это ближе к фиолетовому. В эркер ставила диван «Манящая роскошь», над ореховым рабочим столом вешала гербарий. Обставив гостиную и читальный уголок, переходила к спальне и долго выбирала кровать — всегда двуспальную и с пологом.

И если бы мы могли приблизить свое лицо прямо к лицу Кристины, то на темно-буром фоне зрачков мы заметили бы прыгающие диванчики, кроватки и мольбертики, а через пухлые наушники услышали бы бодрую синтетическую музыку для режима строительства.

Если бы мы отделились от Кристины на пару шагов, вместо музыки остались бы только самые громкие биты, а нам пришлось бы смотреть в затылок Кристины и разглядывать густой спутанный пучок ее темных волос. Может быть, оценивать, насколько ровно она сидит и нет ли у нее сколиоза.

А если бы мы встали на пороге темной убогой комнаты, где никогда не делали ремонт, мы бы увидели, что за шкафом без дверцы, в голубом компьютерном свете, посреди ночи, в тишине и совершенно одна сидит костлявая и нескладная девочка-подросток, до которой никому нет дела.

Кристине не готовили завтраки. Когда она собиралась в школу, ее мама еще спала. На серой подушке — рыжая голова: припухшее родное лицо с безупречно гладким лбом и посиневшими бровями. Кристина подходила к маме и целовала ее на прощанье. Мама открывала глаза и улыбалась: ее раздутые губы расталкивали филлеры в скулах.

— Давай, козявка, пусть день будет нормальным, — говорила она.

Иногда Кристина уходила в школу голодной: будет ли дома еда, зависело от того, удастся ли маме что-нибудь, как она сама говорила, намутить. То там, то сям, объясняла мама источник своих заработков. Она умела делать все — печь, шить, пилить ногти, — но ничему не могла отдаваться полностью. Ее увольняли, она уходила сама. Всегда искала какие-то темы. Финансовые пирамиды. И ходила к косметологу минимум раз в месяц.

Кристина считала маму прикольной и всегда все делала по-своему: она была в своей семье самой взрослой, и все это понимали. Семья — раз-два и обчелся. Папа звонил пару раз в год, из всего папы Кристина помнила только его строительские руки — сухие и коричневые, как ивовые ветви. Еще была тетя Света, она жила в курортной части Железнодовска и работала в санатории, но иногда спускалась

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универ»

e-Univers.ru